

ОБРАЗЫ И МОТИВЫ КНИГИ ИОНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. Н. Климова
(Томск, Российская Федерация)

В течение двух тысяч лет библейская Книга пророка Ионы является частью мирового литературного процесса. Влияние ее сюжета, идей, мотивов и образов обнаружено в ряде литературных явлений широкого жанрового и временного диапазона. Многоуровневый характер этого влияния в значительной мере обусловлен художественным своеобразием самого этого источника. В статье рассмотрены некоторые случаи использования мотивов и образов Книги Ионы в произведениях русских писателей XX—XXI веков. В их число включены не только литературные тексты, прямо отсылающие к этому источнику («Кошкодав Сильвер» В. Конецкого, «Пелагия и черный монах» Б. Акунина), но и примеры его скрытого влияния («Третьи петухи» И.А. Бунина, «Легенда Крыма» М. Успенского).

Ключевые слова: мировой литературный процесс, христианство и литература, библейские мотивы и образы, Ветхий Завет, Книга Ионы, русская литература, интертекстуальные отношения

Книга пророка Ионы, «маленький шедевр древнееврейской прозы», как назвал ее С.С. Аверинцев [1, с. 297], оставила глубокий след в мировой культуре. Она не только вошла в корпус священных текстов трех авраамических религий — иудаизма, христианства и ислама¹, но и вызвала продолжительный художественный резонанс, который, преодолевая границы народов и религий, длится уже две тысячи лет, так что ныне область ее культурного воздействия простирается от Америки до Японии. Книга Ионы была не раз пересказана для детей и взрослых, а влияние ее сюжета, идей, мотивов и образов обнаружено в литературных явлениях широкого временного и жанрового диапазона — от средневековой агиографии до современного «метаромана» и от лирической поэзии до авторской сказки. На наш взгляд, многоуровневый характер этого влияния в значительной мере обусловлен художественным своеобразием самого библейского источника.

В отличие от других ветхозаветных текстов, связанных с именами «малых пророков», Книга пророка Ионы не столько передает предсказания своего заглавного героя, сколько рассказывает об одном из эпизодов его жизни². Согласно этому рассказу, Иона, грозным пророчеством приведший к покаянию жителей ассирийского города Ниневия, прежде на собственном опыте познал падение и восстание грешной человеческой души. Не захотев исполнять веление свыше (пророчествовать ниневитянам), он попытался бежать «от лица Господа», был ввергнут за это

в бурное море, три дня провел в чреве проглотившего его морского чудовища³ и был возвращен на сушу ведением Бога, внявшего его покаянной молитве. Таким образом, история пророка Ионы отчетливо распадается на две части — «морскую» и «ниневийскую». При этом «ниневийская» часть Книги имеет условно исторический характер и согласуется с данными библейской археологии⁴, а «морская» ее часть откровенно фантастична и никакой критики с позиции здравого смысла не выдерживает⁵. Интересно, что этот фрагмент является единственным морским эпизодом Ветхого Завета⁶, но находит параллели в греческих мифах об Арионе [8, с. 224—225], Персее [8, с. 185—190] и встрече Диониса с пиратами [8, с. 75; 9, с. 295]. Вероятно, античные мифологические мотивы проникли в «биографию» древнееврейского пророка на стадии бытования первичных устных преданий о нем⁷. Неоднородность содержания Книги Ионы позволяет увидеть в ней контаминацию двух самостоятельных сюжетов с общим героем. Однако единым целым в сюжетном отношении обе части этого текста так и не стали, и в европейской традиции «Ионин сюжет» нередко исчерпывается морским приключением пророка, на Востоке же этот знаменитый эпизод иногда заменяет битва Ионы с сухопутным драконом⁸.

Создавая свою «сказку о пороке и ките», ее автор откровенно опирался на глубинный, еще добиблейский слой международной сюжетики. Так, основу Книги составил древнейший сюжет мировой литературы «путешест-

вие в царство смерти», и совершенно оно в этом случае архаичным способом — героя проглатывает и вновь выплевывает чудовище. Эпизод спасения корабля в первой главе Книги реализует другой архаический сюжет [10, р. 343], известный русскому читателю по былинке о Садко и сохранивший историческую память о человеческих жертвоприношениях природным стихиям. Но, используя древние сюжеты, автор Книги Ионы смело изменял их в соответствии со своим замыслом. Так, архаичная модель смерти и воскресения как временного пребывания в чреве чудовища служит здесь утверждению идеи всесильности покаяния и милосердной сущности Бога⁹. Аналогично переосмыслил автор Книги и описание языческого обряда жертвоприношения, превратив его в сцену прославления библейского Бога народами Земли, которая может быть прочитана и как предсказание о международном признании монотеистической «веры Авраама»¹⁰.

Важную роль в процессе художественного усвоения Книги Ионы играет ее необычная смысловая емкость. Этот лаконичный текст богат игрой слов и выражений и насыщен яркими многозначными деталями, а поступки персонажей в нем нередко загадочны и допускают различные объяснения. Другая примечательная особенность памятника — его открытый финал, изящно завершённый репликой Бога, так что за пределами текста остаются ответ Ионы и его дальнейшая судьба, а также реакция на спасение Ниневии ее жителей и соплеменников пророка, продолжения же предлагались разные. Заслуживает отдельного упоминания и странная «амбивалентность» заглавного героя Книги, позиционируемого в ее тексте одновременно как грешник и праведник, послушник Бога и Его избранник, пророк ложный и истинный¹¹, что позволяет по-разному трактовать его образ, не изменяя сюжета. К тому же сам этот образ допускает три степени обобщения: Иона и конкретная личность с ее неповторимой судьбой, и воплощение некоторых черт Избранного Народа, и «человек вообще», подобный любому читателю Книги. Следует отметить также, что равноправными участниками разыгранной в Книге Ионы мистерии наряду с людьми различных народов и вер выступают большие и малые бессловесные Божьи твари. По мысли библейского автора, каждое из творений Бога — и человек при всем его очевидном моральном несовершенстве, и чудовище Рыба-Кит, и ничтожный червь, — дорого любящему отцовскому сердцу его Создателя¹². Необычная гротескно-

юмористическая форма, в которой выражена эта глубокая мысль¹³, выявляет еще одну интересную особенность данного библейского памятника. Автор Книги смело облек свои опередившие время богословские прозрения в простодушно-лукавую оболочку старой сказки, герой которой начинает ощущать свою неразрывную связь с Богом только из чрева морского чудовища, а ничтожный росток тыквы приобщает его к таинству божественной любви. Текст Книги Ионы являет собой удивительный сплав «высокого» и «низкого», серьезного и смешного, и эта черта ее поэтики была явно воспринята последующей литературной традицией. Так, поэты Нового времени, обращаясь к истории пророка Ионы, обычно говорят о нем без пиетета, приличествующего Избраннику Бога, в нарочито сниженных просторечных выражениях, не страшась упоминания о грубых физиологических подробностях происходящего [см.: 11; 12].

И все же приходится констатировать, что значительная часть смыслового и стилистического богатства Книги Ионы была надолго заслонена от читателей откровенной фантастичностью морского приключения ее заглавного героя, более пригодного для средневекового миракля или детской сказки, чем для реалистического повествования. Поэтому в русской литературе ее «взрослые» пересказы (например, «метароман» А. Кима «Остров Ионы», 2001) появляются лишь в начале нового тысячелетия¹⁴, отразив тяготение современных авторов к условно-фантастическим формам повествования. До того влияние интересующего нас библейского памятника на мировой литературный процесс и, в частности, на творчество русских писателей, осуществлялось главным образом в виде аллюзий, реминисценций и скрытой или явной цитации.

Так, прямую отсылку к «морской» части Книги Ионы содержит рассказ В. Конечного «Кошкодав Сильвер» (1987) [13] — фрагмент записок пациента психиатрической больницы, страдающего своеобразным «синдромом Ионы», — после автомобильной аварии несчастный вообразил, что находится в брюхе кашалота. Издатель записок ничего не говорит о том, какое символическое значение присвоило этому экзотическому месту больное сознание инженера Матюшина, толкования же, как нам кажется, возможны различные. Библейский Иона в покаянной молитве назвал свою «живую тюрьму» Шеолом (древнееврейской преисподней), и легко предположить дальнейшее развитие этого образа в данном рассказе. Брюхо воображаемого кита

в этом случае символизирует кошмар повседневного существования современного человека¹⁵, восприятие которого у автора записок усугубляется неизжитыми воспоминаниями блокадного детства. Однако рассказ этот увидел свет в годы перестройки, у массового же читателя того времени после непрерывного потока исторической «чернухи» и скандальных разоблачений наказание библейского пророка вызвало бы, скорее всего, только ироническую усмешку. В таком контексте утроба морского чудовища, показавшаяся адом ветхозаветному Ионе, может превратиться и во вполне надежное убежище навсегда напуганного жизнью «маленького человека»¹⁶, и в место для духовной эмиграции художника, страдающего от нестерпимой пошлости окружающей его среды¹⁷.

Откровенно и весьма иронически использована история пророка Ионы в «провинциальном детективе» Б. Акунина «Пелагия и черный монах» (2001), насыщенном, как обычно у этого автора, мифологемами мировой культуры. Среди персонажей романа заметное место занимает некий брат Иона, рясофорный капитан корабля «Святой Василиск» и бывший китобой, принявший постриг во исполнение обета, данного им в пасти усатого кита. Симптоматичной для современного восприятия «старой сказки о пророке и ките» представляется не только научнообразное уточнение сомнительного в зоологическом отношении библейского эпизода. Не менее показательны и невыносимая тяжесть выполнения этого вынужденного обета для неподготовленного к нему простого моряка с его непобежденными мирскими страстями, и комическая тщетность его попыток совместить требования монашеского устава с реальными условиями корабельного быта¹⁸. Забавно обыграны в тексте «провинциального детектива» и события первой главы Книги Ионы. Во внезапном шторме, застигшем судно «Святой Василиск» на пути к «монашескому архипелагу», с готовностью видят Божье возмездие за свои грехи и только что изменившая мужу паломница, и корабельный экипаж во главе с капитаном, дружно молящийся на палубе. Однако спасает гибнущий корабль не покаянная молитва, а свирепая активность одного из пассажиров и второго участника адюльтера, который руганью и кулаками возвращает рясофорную команду к исполнению ее прямых профессиональных обязанностей. Прямое назначение этой забавной библейской пародии вполне серьезно, ибо она подтверждает одну из магистральных идей творчества Б. Акунина — необходимость поиска и

обретения человеком лишь ему одному предназначенного жизненного пути и неукоснительность следования ему.

Особый интерес для исследователя отражений Книги Ионы в русской литературе представляют те случаи, когда ее отдельные элементы присутствуют в художественных текстах в скрытом виде, а ее заглавный герой даже не упоминается¹⁹. Для примера рассмотрим поочередно два небольших прозаических текста, написанных один в начале, другой на излете двадцатого столетия. Объединяет же эти стилистически непохожие произведения не только скрытое использование элементов Книги Ионы, но и то, что каждое из них стилизовано автором под черноморский фольклор.

Первый из этих текстов — маленькая, тяготеющая к притче новелла И.А. Бунина «Третьи петухи» (1916) [14, с. 150—151]. Напомним ее содержание. В глухой предутренний час разбойничий корабль тайно подходит к мирно спящему городу Синопу. В погнание божеских и человеческих законов морские разбойники грабят и убивают беззащитных горожан, а затем безнаказанно уходят в море. После буйного пира они засыпают мертвым сном, не оставив дозорных. Разгневанный их вероломством и жестокостью, Бог посылает на море бурю, запретив всему живому предупреждать разбойников об опасности, и тем самым обрекает их на верную гибель. Но «Фома Синопский, угодник морской» в нарушение Божьего приказа будит спящих «душегубов», способствуя тем самым их спасению. Призванный к ответу, он объясняет Богу свое непослушание «горькой нежностью» к злодеям, которых Божье веление лишило возможности услышать вновь крики «третьих петухов, в слезы любви и раскаяния некогда повергнувших Петра-апостола» и получает прощение от Бога.

Нам уже приходилось писать о значении евангельского мотива «петух апостола Петра» в структуре этой литературной легенды [15, с. 97—99], отметив попутно и влияние на нее другого библейского фрагмента — Книги пророка Ионы. Попробуем уточнить последнее наблюдение.

Религиозно-этический смысл бунинской новеллы-притчи, казалось бы, очевиден — это торжество Милосердия над Справедливостью и Благой Вести над Законом, то есть превосходство Нового Завета над Заветом Ветхим. Выразителем идеи милосердия в «Третьих петухах» выступает «святой Фома Синопский, угодник морской», о житийном прототипе которого будет сказано ниже.

Следует, впрочем, заметить, что такое понимание новеллы резко выделяет ее во всем творчестве И.А. Бунина. Давно подмечено, что христианской проповеди безграничной и всеобъемлющей любви писатель явно предпочитал суровую этику Ветхого Завета с ее принципом неотвратимого возмездия. Появилось в исследовательской литературе даже утверждение об особом, «ветхозаветном реализме» Бунина [16, с. 350], противопоставленном «новозаветному реализму» Достоевского. (То, сколь далек был И.А. Бунин от идеи христианского всепрощения, легко ощутит читатель «Окаянных дней», ярко выразил это и известный отзыв о гоголевской «Страшной мести», вложенный в уста автобиографичного повествователя «Жизни Арсеньева» [17, с. 31].) Художественный анализ «Третьих петухов» обнаруживает, что в библейском контексте этой новеллы также велико значение дохристианских элементов. Божественный оппонент слушника Фомы — именно ветхозаветный Бог-Мстителю, напоминающий ему о кровных родичах, убитых разбойниками, чтобы воскресить в кротком сердце святого древнее чувство родового долга и побудить своего собеседника к кровной мести. Устрашающее величие божественного возмездия изображено в «Третьих петухах» с пугающей, почти ветхозаветной мощью, напоминающей о Книге Иова. Но суровой этике талиона в бунинской новелле противостоит не только христианское сострадание заблудшим душам, но и другое чувство, явственно звучащее в ответе святого Фомы, и это чувство — любование прелестью земной жизни. Чувственный восторг, вызванный самой возможностью человека жить на этой прекрасной и вечной земле, пронизывает весь этот небольшой текст от начала до конца. Бунинская мысль о благословенности Богом «земного рождения» далека от проповеди христианского аскетизма, но обнаруживает опять-таки ветхозаветные параллели: например, слова Создателя при заключении договора с Ноем после потопа или основной предмет нашего рассмотрения — Книгу пророка Ионы.

Создавая оригинальный сюжет своей литературной легенды, И.А. Бунин использовал в ней многие мотивы этого библейского фрагмента, ловко избежав при этом упоминаний знаменитого эпизода с китом. Назовем в этой связи мотив морской бури как проявления божественного возмездия, мотив мертвого сна в трюме корабля во время бури, символизирующий смерть отпавшей от Бога души, парные мотивы сознательного наруше-

ния веления Бога и последующего объяснения с Ним нарушителя. То, что перечисленные примеры не случайное совпадение, а сознательное обращение писателя к данному библейскому источнику, доказывает еще одно наблюдение. Житийным прототипом бунинского «морского угодника Фомы», несомненно, является священномученик Фока Синопский²⁰. Этот раннехристианский епископ в силу обстоятельств своей мученической кончины (он был утоплен в Черном море при императоре Траяне) действительно входит в сонм «морских угодников» народного православия во главе со святым Николой Мирликийским. Для нас же важно то, что священномученик Фока Синопский упоминается в православном месяцеслове в один день с пророком Ионой (под 22 сентября). Как уже говорилось, бунинская легенда говорит о победе христианского Милосердия над суровой ветхозаветной Справедливостью. Между тем, в истории христианской мысли именно Книга Ионы явилась своеобразным «мостом», связующим оба Завета, незаметно подготовив почву, на которую через несколько столетий пало и проросло зерно Благой Вести Иисуса. Едва ли И.А. Бунин осознавал особое место этого памятника в библейском корпусе, но интуиция художника при отборе источников для его черноморской легенды действовала безошибочно.

Юмористический рассказ М. Успенского «Легенда Крыма» (1981) [18] включен автором в сборник «Чугунный всадник», многие рассказы которого представляют собой оригинальные вариации на темы мифологем мировой культуры, причем авторское предпочтение явно отдано сюжетам с элементами фантастики. Литературный источник некоторых рассказов явлен уже в заглавии (так, «Превращение-2» и «Соль-2» переносят ситуацию и конфликт шедевров Кафки и Бабеля в условия советских восьмидесятых). Другие произведения сборника, напротив, нарочито небрежно скрывают «вечные» сюжеты человечества под маской одного из популярных жанров массовой культуры. К таким рассказам относится и «Легенда Крыма», в которой событийный ряд Книги Ионы замаскирован под современное черноморское предание²¹. (Напомним, что для большинства советских людей Библия была чтением недоступным и даже запретным.)

В этом рассказе М. Успенского в положение пророка Ионы попадет рядовой советский человек, молодой инженер Голяков, командированный в Крым с рекламациями на «среднее» качество продукции одного из ме-

стных «заводов средней величины». Впервые оказавшись на юге, где «так тепло и вино такое дешевое», Голяков забывает о цели своей командировки и полностью погружается в круговорот курортной жизни. Но неотвратимое возмездие настигло легкомысленного молодого человека на палубе прогулочного катера в виде ветра неслыханной силы. Этот ветер можно было сравнить только с ураганом, «потопившим англо-французскую эскадру во время Крымской войны», однако капитан катера сразу же догадался о причине бедствия и стал искать среди пассажиров командированных. Инженер Голяков, «который был уже выпимши», после неосторожного признания немедленно оказался за бортом, и буря тут же стихла. «Не любит море командированных», — пояснил случившееся капитан. Следование библейскому источнику далее предполагало встречу героя с морским чудовищем-людоедом, но в Черном море не водятся ни кашалоты, ни китовые акулы, обычно «претендующие» на роль Рыбы-Кита, местная же акула катран невелика и на людей обычно не нападает. При всем старании эта некрупная рыба смогла проглотить свою жертву лишь наполовину. Столь же половинчатым оказывается и финал легенды, поскольку ее герой, несмотря на свое раскаяние, ни прощения, ни спасения так и не обрел. Доныне «рыба с человеческими руками и головой»²² в дни заседаний и планерок подплывает, «не страшась промышленных отходов», под окна кабинета директора завода и выкрикивает обличительные слова рекламаций. «Легенда гласит, что в тот день, когда высказывания чудесной рыбы будут услышаны руководством завода, приняты к сведению и запротоколированы, злые чары падут, и на берег выйдет недурной собой молодой человек с командировочным удостоверением. В эту легенду верят все, кроме работников завода средней величины. Но и они, проводя совещания и планерки, накрепко закрывают все окна и задвигают шторы, даром что в этом самом Крыму жарища — страшное дело».

Изложенная языком персонажей Зощенко, «легенда» М. Успенского тонко пародирует стиль краеведческих преданий с их мнимым историзмом и хромающей логикой. На первый взгляд, этот рассказ кажется просто забавной пародией на популярный библейский сюжет, но юмор его оставляет позощенковски грустное «послевкусие». Проступок инженера Голякова по сравнению со своеволием библейского Ионы, знавшего о Боге и Его Законе, может показаться почти

извинительным, ибо в значительной мере он объясняется молодостью и неопытностью персонажа, вызывающего у читателя и понимание, и сочувствие. Строптивый ветхозаветный пророк не только получил прощение Создателя, но и удостоился доверительной беседы с Ним, и окружал его «мир добрых людей» [9, с. 295], открытых милосердию и благочестию. Обезбоженный мир «Легенды Крыма» враждебен ее простодушному герою (достаточно сравнить поведение во время шторма попутчиков Ионы и людей на борту прогулочного катера), покаяние же инженера Голякова, натывается, как на каменную стену, на всеобщее жестокое равнодушие, превращаясь в подобие сизифова труда, чего бедный молодой человек явно не заслужил. Таким образом, пародия на библейский сюжет позволяет автору рассказа зримо передать атмосферу позднего застоя с ее всеобщим безразличием и формальным отношением к труду и людям.

Приведенные в статье наблюдения являются частью будущего большого исследования, посвященного влиянию Книги Ионы на мировой литературный процесс с особым вниманием к отечественной словесности. Они, возможно, будут уточнены по ходу дальнейшей работы. Перспективность же подобного исследования сомнений не вызывает.

Примечания

¹ Впрочем, ни одна из них в своем понимании этого текста не исчерпывает всего заложенного в нем смыслового богатства [см.: 2; 3].

² Не менее примечательно и то, что заглавный герой Книги высокому званию библейского пророка мало соответствует, а единственное его предсказание в пределах данного текста не сбывается.

³ В оригинале это чудовище названо «большой рыбой», в последующей традиции считается китом, мы же вслед за П.П. Ершовым и Г. Мелвиллом будем называть его «Рыба-Кит».

⁴ Так, мотив царского указа о всеобщем покаянии жителей Ниневии находит определенные параллели в клинописных документах, относящихся ко времени жизни исторического пророка Ионы [4, с. 555].

В «глиняных книгах» библиотеки царя Ашшурбанипала находят сведения и об огромных размерах Великой Ниневии, древнего мегаполиса (гиперболическое изображение этого города в Книге Ионы не раз вызывало замечания скептиков), и даже о попытке монотеистической реформы ассирийской религии, предпринятой вскоре после предполагаемого посещения пророком грешного города [5; 6 и др.]. Впрочем, вопреки библейской пророческой традиции, в тексте Книги Ионы нет точных временных ориентиров ее действия, и все

повествование точно подернуто сказочной дымкой. События Книги и их описание явно разделяют несколько веков.

⁵ Неоднократные попытки комментаторов Библии придать эпизоду с китом некое житейское правдоподобие, привлекая сведения по биологии морских животных и даже легендарный рассказ о китобое Джеймсе Бартли, несколько часов проведенном в желудке кашалота, представляются нам весьма сомнительными. Морское приключение Ионы в контексте Ветхого и Нового Заветов позиционировано как чудесное знамение, чуду же в силу его сверхъестественной природы согласие с доводами разума прямо противоположно. Более плодотворным видится нам поиск и изучение сказочно-мифологических корней этого знаменитого эпизода [см.: 7].

⁶ Морское приключение пророка Ионы оказывается одновременно одним из первых опытов маринистики во всемирной литературе, и прямое или опосредованное влияние этого фрагмента обнаруживают нарративные тексты, посвященные опасностям путешествий по воде, в диапазоне от евангельских рассказов (Мф. 8: 23—27; Лк. 8: 22—24) до романа М. Семеновой «Волкодав. Право на поединок».

⁷ Так, певец Арион, живший на острове Лесбос в VII веке до н.э., с дистанции нескольких столетий мог показаться современником исторического Ионы, упомянутого в Библии (4 Цар. 14: 25) как один из пророков времени царя Иеровоама II (786—746 до н.э.).

⁸ Мотив использован в романе «Иона» (2003) израильского русскоязычного писателя А. Тарна.

⁹ Через несколько столетий эта идея станет одним из краеугольных камней христианской этической доктрины.

Не был утрачен в христианстве и первоначальный смысл сюжета, ибо «знамение Ионы» устами самого Иисуса было объявлено ветхозаветным пророчеством смерти, схождения в Ад и Воскресения Богочеловека (Мф. 12: 40).

¹⁰ В изображении автора Книги языческие народы, представители которых столь явно открыты делам милосердия и благочестия, уже потенциально готовы признать библейского Бога и Его Закон.

¹¹ Прибавим к этому некоторую инфантильность Ионы и его несомненную поэтическую одаренность.

¹² Выявление и подчеркивание «отцовских» черт библейского Бога в этом ветхозаветном фрагменте представляется нам важным этапом на пути формирования Его триединого христианского образа. «Экологический» же аспект авторской мысли начал восприниматься лишь постепенно, по мере развития у человечества соответствующего сознания. Примером такого прочтения истории пророка Ионы может служить фрагмент, давший заглавие «повествованию в расказах» В. Астафьева «Царь-рыба» (1976). «Ионин сюжет» в этом тексте как бы возвращается к своему древнему истоку — мифу о битве человека с водным чудовищем (см. также роман Г. Мелвилла «Моби Дик» и повесть Э. Хемингуэя «Старик и море»), однако символика

этой вечной битвы имеет в данном случае заостренно экологический характер.

¹³ Судя по заключительной реплике Книги, Господь пощадил Ниневию, вняв не только покаянным мольбам ее жителей, но и голодному реву их постигнутого вместе с хозяевами домашнего скота.

¹⁴ Единственный известный нам более ранний пример «взрослого» прозаического пересказа Книги Ионы в литературе Нового времени — девятая глава знаменитого «китологического» романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (1851). Приведенную в ней проповедь о вечном смысле истории пророка Ионы священник отец Мепл адресует «братьям матросам». Сам в прошлом китобой, он пересказывает им морское приключение пророка не только с глубоким проникновением в психологию персонажей, но и с множеством знакомых его аудитории бытовых подробностей, так что ветхозаветный Иона незаметно начинает восприниматься современником проповедника и его пастыря.

¹⁵ Ср. строки другого современника катаклизмов двадцатого столетия, поэта Давида Лившица:

И немота кругом, и темнота,
И глохнет одиночество без стона, —
Я в темном чреве этого кита,
Что назван жизнью, как вахлак Иона.

¹⁶ Автора записок в его воображаемом заточении слегка беспокоит запах сырой рыбы и то лишь потому, что вызывает у него, с детства боявшегося кошек, неприятные «кошачьи» ассоциации.

¹⁷ Такое объяснение фантазии героя принято создателями одноименной экранизации рассказа (1989, автор сценария и режиссер Ю. Елхов).

¹⁸ Чего стоит одна только «диковинная ругань капитана», вынужденно лишённая матерщины, но от этого не менее непристойная и кощунственная, в которой нам чудится насмешливый отклик Б. Акунина на бесконечную дискуссию о допустимости использования мата средствами массовой информации.

¹⁹ Переходный случай между явным и скрытым способами художественного усвоения Книги Ионы обнаруживается в романе М. Шишкина «Венерин волос» (2006). Один из основных пластов повествования в сложной композиции романа составляют рассказы российских беженцев в швейцарской миграционной службе, изрядно сдобренные сюжетами и мотивами мировой литературы в интервале от апокрифа о сотворении Адама до «Убийства на улице Морг» Э. По. Один из рассказчиков, бывший солдат и участник афганской войны, упоминает в качестве автобиографического эпизода свое пророчество перед жителями Ниневии. Имя пророка Ионы в рассказе не упоминается, а прямые цитаты из его Книги и, в частности, финальная реплика Бога получают весьма неожиданное переосмысление. Подробный анализ этого литературного примера, возможно, станет предметом отдельного разговора.

²⁰ Для русского религиозного фольклора характерно вольное обращение с персонажами христианского пантеона, и литературная легенда Бунина эту особенность сохранила.

²¹ Пестрая по составу антология «Легенды Крыма» была весьма популярна в советское время, выдержав несколько переизданий. Нередко украшали свою речь подлинными или мнимыми легендами и экскурсоводы.

²² Этот причудливый монстр явно напоминает шумеро-аккадского бога Эа, М. Успенскому, далеко не дилетанту в мифологии, разумеется, известного.

Список литературы

1. История всемирной литературы: в 9 т. — М.: Наука, 1983. — Т. 1 / Под ред. И.С. Брагинского и др. — 584 с.
2. Эйделькинд Я. К истолкованию Книги Ионы // Библия: литературные и лингвистические исследования. — М.: РГГУ, 1998. — Вып. 1. — С. 81—112.
3. Климова М.Н. К вопросу о восприятии библейской Книги Ионы // Власть, общество и человек в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. — Вып. 30. — С. 3—16.
4. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. — Т. 1: А—К. — 671 с.
5. Опарин А.А. Древние города и библейская археология: Монография. — Харьков: Факт, 1997. — 176 с.
6. Опарин А.А. Всемирная история и библейские пророчества: Монография. — Харьков: Факт, 1997. — 184 с.
7. Десницкий А. Книга пророка Ионы — старая сказка? // Мир Библии. — М.: ББИ, 1997. — Вып. 4. — С. 58—64.
8. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. — М.: Прогресс, 1992. — 624 с.
9. Немировский А.И., Скогорев А.П. и др. Мифы и легенды народов мира: Библейские истории. — М.: Мир книги, 2007. — 2982 с.

10. Thompson S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen" (FFC № 3) translated and enlarged. — Helsinki, 1964. — [Vol.] 3.

11. Иона и пять поэтов: [Электронный ресурс]. URL: <http://borkhers.livejournal.com/1388736.html> (дата обращения: 16.07.2017).

12. Гриценко А. Пророк Иона и пожар Александрийской библиотеки: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ijp.ru/text/652> (дата обращения: 31.07.2017).

13. Конечкий В. Кошковад Сильвер: Рассказ // Знамя. — 1987. — № 5. — С. 38—54.

14. Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1988. — Т. 4: Произведения 1914—1931 / Редкол. Ю. Бондарев и др. — 703 с.

15. Климова М.Н. Петух апостола Петра (о некоторых отражениях евангельского мотива в русской литературе) // Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе: Сб. науч. тр. / Отв. Ред. Е.Ю. Куликова. — Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2012. — С. 88—100.

16. Котельников В.А. Ветхозаветность у Бунина // Христианство и русская литература: Сборник второй. — СПб.: Наука, 1996. — С. 343—350.

17. Барабаш Ю. Сладкий ужас мщенья, или Зло во имя добра? (Месть как религиозно-этическая проблема у Гоголя и Шевченко) // Вопросы литературы. — 2001. — № 3 (Май—июнь). — С. 31—65.

18. Успенский М. Легенда Крыма: Рассказ. (Авторский вариант): [Электронный ресурс]. URL: http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_ty/uspenm23.htm?1/1 (дата обращения: 14.08.2017).

Климова Маргарита Николаевна, кандидат филологических наук, сотрудник Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск); klimov.1955@inbox.ru.

IMAGES AND MOTIVES OF JONAH'S BOOK IN RUSSIAN LITERATURE

Margarita N. Klimova
(Tomsk, the Russian Federation)

For two thousand years, the biblical Book of the Prophet Jonah is a part of the world literary process. The influence of its plot, ideas, motives and images were found in a number of literary phenomena of a broad genre and time range. The multi-level nature of this influence is largely due to the literary originality of the source itself. The article considers some cases of using the motifs and images of the Jonah's Book in the works of Russian writers of the XXth — XXIst centuries. They include not only literary texts directly referring to this source ("Koshkodav Silver" by V. Konetsky, "Pelagia and the Black Monk" by B. Akunin), but also examples of its hidden influence ("Tretji petukhi" by I. Bunin, "Legenda Kryma" by M. Uspensky).

Key words: world literary process, Christianity and literature, biblical motives and images, Old Testament, Jonah's Book, Russian literature, intertextual relations